

d. Свадебные обряды Вышковской волости Динабургского уезда¹⁾.

Рядъ свадебъ во всей Латышіи начинается осенью послѣ уборки хлѣба и окончанія важнѣйшихъ сельскихъ работъ и продолжается до января и февраля. Опоздавши къ этому сроку устраиваютъ свадьбы уже при начатіи сельскихъ работъ весною, подъ Юрьевъ день. Лѣтомъ браки заключаются только въ крайнихъ случаяхъ. Въ Вышкахъ, однако, самымъ приличнымъ временемъ считаются: четыре недѣли передъ и послѣ дня всѣхъ святыхъ—čétras nedēļas prikš i pēč wysu šwynfes.

При заключеніи брака требуется основательное ознакомление молодыхъ людей другъ съ другомъ, такъ какъ здѣсь (особенно въ Яшмуйжѣ) женихамъ самимъ предоставляется выборъ невѣсты; родители (жениховы) не вмѣшиваются, предварительныхъ договоровъ поэому поводу не заключаются, какъ это часто бываетъ въ Россіи, и хотя знаютъ, что сынъ женится, но кто невѣста, это они узнаютъ нерѣдко только послѣ вѣнчанія. Случаями для упомянутаго ознакомленія (kur jaunī īauds war sasaredzēfis) представляются: tiērģi (ярмарки), oplōfi (церковные праздники), kōzos (свадьбы), krysteības (крестины), biīfes (похороны)... и т. п. празднества и общія работы (tolkas) толоки. Самое важное мѣсто встрѣчи—костѣль. Всѣ названныя мѣста слушать лишь случайно для ознакомленія sasaredzēšonōs, особо для того предназначены wečerinkas (вечеринки) и grīšcas (игрища—изъ бѣлорусскаго).

Wečerinkas—это сходища парней и дѣвушекъ, устраиваемыя у кого нибудь изъ сосѣдей по субботамъ и праздникамъ; тутъ играютъ въ разныя игры, поютъ, разговариваютъ и т. д. Grīšcas производятся большою частью въ корчмахъ [но и въ крестьянскихъ избахъ], гдѣ почти исключительно танцуютъ—kadrelās, kručēlīkas, pitkevičus, poļkas... народныхъ танцевъ въ родѣ лифляндскаго Jandalinš, Bička я не замѣчалъ.

Въ прежнее время очень распространенное хожденіе по ночамъ къ дѣвушкамъ mājtōs īf (въ прочей Латышіи тоже хорошо

1) Свадебные обряды Вышковск. вол. описаны со словъ крестьянки Маріи Шведъ изъ деревни Мозули (Mozul'i); замѣчанія же относительно свадьбы Яшмуйжской собраны отъ Варвары Кандовникъ (родомъ изъ Вышектъ) и Žurilīne (родомъ изъ Аглони); относительно же свадьбы въ Лифляндіи (Кокнессе) и Курляндіи (Узиниши) сообщены гг. П. И. Стучкою и Ив. Шульцемъ.

известное) мало-по-малу выходитъ изъ обыкновенія; въ болѣе просвѣщенныхъ и близкихъ къ городамъ мѣстахъ оно уже явленіе рѣдкое. Въ Лифляндіи вечеринки и игрища замѣняются модными *zaļumi swētki*, балами въ многочисленныхъ обществахъ, *klubi* (въ Кокенгузенѣ). На *klubi* собираются *батраки*, *kalpi* парни и дѣвушки (рѣдко хозяйствіе сыновья); у одного изъ товарищей дѣлаютъ складчину на покупку питей и проводятъ время въ танцахъ. Въ Курляндіи Добленскаго уѣзда въ Узингенской волости, по сообщенію г. И. Шульца, существуетъ еще слѣдующій интересный обычай. Если парень хочетъ жениться, то онъ въ лѣтніе вечера трубитъ въ особый инструментъ *aure*, родъ рога, свернутаго изъ коры древесной, подавая этимъ знать дѣвушкамъ.

Когда въ вышеназванныхъ мѣстностяхъ молодой человѣкъ (*jaunais, jaunīkis, jauneklis*) избралъ себѣ дѣвушку, на которой хочетъ жениться *uzawārā, isazeimava mājtu* (Яшмуйжа) и говорилъ съ нею *sasazadynōjuši*, тогда начинается сватанье *swōtawōšona*. Молодой человѣкъ избираетъ себѣ свата, лицо родственное, дружественное, уважаемое (батракъ барина); посовѣтовавшись съ нимъ, отправляется къ отцу невѣсты. Это — ругтъ *mōs voj* *mozōs apdzyras* (въ Яшмуйжѣ — *apdzāras*)... первое, такъ сказать официальное сошеніе; происходитъ оно въ четвергъ.

На эти *mozōs apdzyras* ёдетъ или сватъ одинъ, если женихъ не знакомъ съ отцомъ невѣсты, или вмѣстѣ съ нимъ (женихъ тогда собственно *prečeīiks*, а *swōts tys taj jīra dawēdejs*, а сватъ, тотъ который доводить); одинъ ёхать женихъ рѣдко рѣшается. На *mozōs apdzyras* жениховъ отецъ никогда не ёдетъ, на *lēlōs apdzyras* тоже рѣдко. Поѣздку обозначаютъ терминомъ — *jaunī brauc, prečeīki braic* молодые ёдутъ, сваты (собственно — торговцы, купцы) ёдутъ. На *apdzyras prečeīki* ёдутъ съ водкою *brauc ar brandīnu*. Если сваты ра *prōtam* нравятся, то ихъ угощаютъ, а лошадей выпрягаютъ, а сами они не смѣютъ выпрягать лошадей (въ Кокнесѣ тоже). На этотъ обычай выпрягать сватовыхъ лошадей намекаютъ многія народныя пѣсни. Во всѣ времена этого посошненія ни сватъ, ни женихъ не сбрасываютъ съ себя верхней одежды (въ Кокнесѣ), хотя бы и находились въ шубѣ съ надѣтою надъ нею сермягою (*sveita*) (таковъ праздничный нарядъ народа и лѣтнею порой). Предлогомъ посошненія *prečeīki* служить известное во всей Латышіи *caunes dzīšana* преслѣдованіе куницы. *Meš caunei pādas sadzynōm itāi sātā, dūdit mums cauniēiti* мы дошли по слѣдамъ куницы до сего двора, выдайте намъ

куницу. Домохозяинъ представляетъ *prečeīki* поочередно всѣхъ женщинъ въ домѣ, иногда въ шутку даже животное — козу и проч. [срв. эта черта часто встрѣчается въ сказкахъ и друг. народовъ]; *prečeīki* все говорятъ не та, пока не покажутъ невѣсты; иногда они и сами должны отыскивать спрятавшуюся невѣstu. Очень часто сватъ разыгрываетъ роль покупателя льна *lynu kipcis*, или же свободно выдумываетъ предлогъ посошненія. Въ продолженіе всего посошненія говорить только одинъ сватъ, женихъ долженъ молчать и даже не осматриваться кругомъ (въ Кокнесѣ тоже). *Wysu laiku, kolj jaunī cīmawajōs, tik swōts wīns pots runō, a precīkam nadūd walas nī wördeña pasacejt, nī apleik pasawērtis. Mozōs apdzyras imējotъ назначение узнать мнѣніе невѣсты *jaunō, jaunuwā* и невѣстина отца на счетъ сватовъ. Если *prečeīki* принимаются радушно, то они угощаютъ хозяевъ водкою (это *mozais brandīns* малая водка) и, получивъ согласіе на продолженіе переговоровъ, уѣзжаютъ. Съ этими «*mozōs apdzyras*» не соединяется никакихъ обязательствъ, хотя принятие «малой водки» и считается знакомъ согласія на бракъ со стороны невѣстина отца. Послѣ этого посошненія сватами невѣстина отецъ старается познакомиться съ бытомъ жениха и ёдетъ самъ, или посыпаетъ знакомаго осмотрѣть дворъ жениха. При этомъ нерѣдко случается, что женихъ обманываетъ посланныхъ, показывая чужой дворъ вмѣсто своего. Обманъ доводится даже до того, что вся свадьба справляется въ чужой избѣ. *Jaunywēs tās brauc apsawērt jaunīka sātas. Nareš jaunīkis parōda cytu sātu. Reizim wysas kōzas nudzei svešō ustubā.**

Окончательное формальное соглашеніе между брачущимися происходитъ въ слѣдующее, за названнымъ четвергомъ, воскресеніе, въ такъ наз., *lēlōs i ūtrōs apdzyras* (большая вторая пирюшка), въ прочей Латышіи *derības* (помолька). (Слово *derības* въ Вышкахъ и Яшмуйжѣ не встрѣчается) На *lēlōs apdzāras* женихъ съ сватомъ привозятъ опять водки гарнѣцъ, боченокъ пива и мѣшокъ съ пирогами вмѣстѣ съ разными подарками для невѣсты (оттого и говорятъ *brauc ar kukulīm* съ гостинцемъ). *Yz lēlōm apdzyrōm jaunī atwad otkon garču brandīns un ols buceiū i kuldu peirāgu i kukulīus jaunywēi*. Въ Кокнесѣ свату обязательно привести и табакерку, которая тутъ вообще играетъ большую роль. Сватъ не выдаетъ раньше боченка и *kuldu*, пока невѣста не положить на боченокъ пару перчатокъ, а на

kuldū новый кушакъ, ибо «пиво въ боченкѣ замерзло, а у мѣшка завязка порвана». Женихъ теперь угощаетъ всѣхъ въ домѣ своею водкою, причемъ онъ долженъ положить въ каждый стаканъ по монетѣ, а стаканъ, преподносимый невѣстѣ, онъ покрываетъ бумажкою. Въ Кокнѣ молодые пьютъ изъ одного стакана по половинѣ. Swōts nadūd buceñas i kuldas; soka: buceña aizsolušā, kuldai aizsaíns pōrgauts; ka jaunywē yzlik už buceñas pōrš cymdu, a už kuldas jūsteňu, ta atdūd. P'ěčok jauníkis wisim dūd sawa brandīna, a čarkā iswiž naudu; ka dūd brandīna jaunywēi, ta čarku apkloj ar bumašku. Этимъ угощениемъ и положениемъ денегъ въ рюмки женихъ выкупилъ невѣсту у семьи, челяди. Договоръ (помолвка) подкрѣпляется еще взаимнымъ подаркомъ жениха и невѣсты: женихъ дарить башмаки «kigres» (Кокн. тоже), корку (кофта) куртку, которые идутъ въ приданое (pasagâ); а невѣста дарить жениху yzraksfejtu krakli вышитую рубаху и т. п. Кроме того невѣста должна еще дать для женихова отца рубаху, а для матери чулки zekes (zéčes Яшм. (Узинѣши тоже). По исполненіи этихъ церемоній, изъ которыхъ самая важная угощеніе жениха водкой kelaís brandīns, молодые считаются окончательно согласившимися, помолвившимися (Лифл. saderināti), называются публично женихомъ и невѣстою и отступление отъ брака теперь считается уже предосудительнымъ. Къ этому акту относится пѣсня:

66.

Dzēr māmēn, dzēr māmēn,
Soldons tautu brandawīns,
Пей, матушка, пей, матушка,
Сладко вино женихово —

Soldons tautu brandawīns,
Syuras munas asařeñas.
Сладко вино женихово,
Горьки мои слезы.

(Вышк. Mozūlu Moře).

За этимъ формальнымъ сговоромъ слѣдуютъ соглашенія и переговоры обо всемъ, относящемся до свадьбы: о приданомъ, о распределеніи между сторонами расходовъ свадебныхъ на водку, пиво, пироги, мясо, на музыкантовъ и т. д. Всѣ эти соглашенія дѣлаются устно.

Послѣ первой и второй apdzuras молодые представляются своимъ господамъ (если они батраки, дворовые), которымъ дать перчатки и кушаки. Въ крѣпостное время это rōdeitīs «по-

казываться» было обязательнымъ, и сопровождалось разными обрядами. Молодые должны были предварительно испросить согласіе на бракъ барина, безъ чего пасторъ или ксёндзъ не могъ вѣнчать. Это испрашиваніе барскаго позволенія называлось въ Кокнѣ «zīmītes jemt» и «сеемōšanās pī kunga». Молодые приносили «plāseñi» (пироги) и блюдо съ масломъ, прикрытое платкомъ, (Кокн.) а молодуха получала отъ барыни шапочку «mīcīti». (Кокнѣсе). Затѣмъ въ пятницу (Кокн.) или субботу (Узин.) являлись къ пастору и заявляли о намѣреніи вѣнчаться. Вышеописанные mozōs и kelōs apdzaras въ прочей Латышіи нерѣдко совпадаютъ, такъ что обрядъ moz. apdzar. замѣняется предшествующимъ продолжительнымъ знакомствомъ жениха съ семействомъ невѣстинамъ, какъ это теперь — общекультурный обычай, или же предварительнымъ сговоромъ, неимѣющимъ характера формального, обрядового. Такимъ образомъ происходитъ только одинъ формальный актъ: derības — общекультурная, безцѣнная помолвка: въ кругу нѣсколькихъ родственниковъ и близкихъ знакомыхъ молодые объявляются женихомъ и невѣстою, и за нихъ произносится тостъ.

Послѣ троекратного оглашенія въ костелѣ начинается собственно свадьба — обыкновенно въ субботу, а если справляется, такъ называемая, garōs kōzos (долгая свадьба), о которой будетъ рѣчь ниже, тогда въ воскресенье. Въ воскресенье же начинается свадьба и въ Лифляндіи, а именно: поѣздкою гостей въ церковь отдельно изъ дома жениха и дома невѣсты.

Обыкновенная свадьба начинается пріѣздомъ въ субботу жениховой партии jaunīki, družba — (слово vedējī водители, увозители, употребляемое для обозначенія жениховой партии, въ прочей Латышіи въ Вышк. и Яшмуйжѣ неизвѣстно, (по крайней мѣрѣ такъ отвѣчали на мой вопросъ)] на дворъ невѣстиного отца už māitas golu. (На оборотъ жениховъ дворъ называется ruiša gols). Женихова «дружба» состоитъ изъ четырехъ шаферовъ brōli, brafi, — между ними одинъ старшій братъ, — свата и сваты swōts i swōča и другихъ родственниковъ и друзей družníki.

67.

Jtu eš tauſenōs,
D'is zyna, kaj dzejwōšu.
Пошла бы я въ чужie люди (за-
мужъ),
Да Богъ знаетъ, какъ буду жить.

Wōrtūs kryta kumeleńš
Wacōkam broleńam.
Въ воротахъ спотыкался конь
У старшаго братца.
(B. Springińe).

Такую же družbu составляетъ и невѣстина партія; тутъ находятся: 4 brōli, 4 подружки padružkas (Вышк.), pamärdz̄es (Яшм.) или mōsas (какъ шафера — brōli [если у невѣсты есть родные братья, то они всегда занимаютъ мѣсто шаферовъ — сами шафера не что иное, какъ фиктивные братья], затѣмъ swōts, swōča и еще ryurved's, ryurawed'ējs, kas kupuru wad возитель приданаго, скрыни (kupurs, skreiňa — скрына, въ которую помѣщаются приданое невѣсты, большей частью платья), наконецъ еще wušku i gūwugaňes, пастушки овецъ и коровъ, которые гоняютъ скотъ (приданое) въ домъ жениха. Перечисленная партія невѣсты, со включенiemъ невѣстиныхъ гостей, называется panōkši, panōkšnīki догоньщиками, — въ прочей Латышіи также panākšni, panāksnīki.

Въ ожиданіи прѣѣзда жениховой партіи эти panōkši заставляютъ дорогу къ невѣстину двору перекрестными жердями и другими способами даже на значительномъ разстояніи отъ двора. У самыx воротъ jauníka družba останавливается panōkš-ами и подвергается продолжительнымъ разспросамъ: откуда, куда и зачѣмъ єдутъ, что за люди, есть ли у нихъ паспорта; тутъ предъявляется какой-нибудь ключекъ бумаги и прочитывается съ большими или меньшими остроумiemъ; не разбойники ли они, ихъ видали на большой дорогѣ и въ лѣсу грабящими и т. д. Между тѣмъ какъ парни выказываютъ свой юморъ въ разспросахъ и отвѣтахъ, дѣвушки apdzid cysy cytu поютъ насыпливыя пѣсни на враждебную партію (нѣсколько примѣровъ такихъ пѣсень см. ниже). Наконецъ впускаютъ jauníka družbu во дворъ, и у самаго порога избы жениха встрѣчаютъ невѣстинъ отецъ, держа въ лѣвой рукѣ кувшинъ или бутылку водки, въ правой — горячую лущину (въ нынѣшнее время ее замѣняютъ лампою), и невѣстина мать съ хлѣбомъ и жбаномъ пива. R'ēdejgi ilaiž jauníka družbu sātswydâ, a pī poša sligšna jauníki sagaida jaunōs tās lobō rūkā° aizdagts skols, a keirā° butylka brandīns i jaunōs mōte ar užbōni ols i maižes kukuļi. При этомъ отецъ говоритъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ; а прежде пѣли извѣстныя къ этому случаю относящіяся пѣсни, которыхъ теперь, однако, ужъ не поютъ и не помнить даже хорошо (Вышк. и Яшмуйжа). Жениха у порога подчуютъ пивомъ и хлѣбомъ; водка остается женихову свату. Tās jauníki, pōrjam, a señok weļ dzidawa, aļe tań wařra nadzid i moz kas tōs dzīsmas zyn. Jauníkam pī sligšna dūd ols i maižes, a brandīns swōtam. Весь этотъ обрядъ встрѣчи жениха

считается молодымъ поколѣніемъ уже ненужнымъ и даже смѣшнымъ, особенно говорятъ: kam tā tōs guňs wajag къ чему тутъ надо огня? Скоро или тотчасъ послѣ церемоніи встрѣчи жениха (въ Кокнесѣ этого обряда уже нѣть) производится выкупъ невѣсты у дѣвицъ uzpi'rkt nū mājtu.

За большимъ столомъ сидятъ pamärdz̄es подружки и между ними невѣста; тамъ же нѣсколько поодаль и другія дѣвушки; на столѣ тарелка или миска, покрытая носовымъ платкомъ. Дѣвушки поютъ и приглашаютъ къ подачѣ денегъ и подарковъ, которыми невѣста выкупается у нихъ. (Подарки, разумѣется, идутъ въ ихъ пользу). R'āčok it yzpi'rkt jaunū nū mājtu. Aiz ūla golda sād' pamärdz̄es ar jaunū; apļeik jū cytas mājteñas, yz golda talerka wojs blūdeňa ar nōsneicu apklōta. M'ājas dzid, prosa mest pogosta.

68.

Celītis, brōleleńi,
Da munai mōšeńai —
Вставайте, братцы,
Подайте за мою сестрицу —

Gon jej beja skaista, bolta,
Met par jū sydabréna.
Ужъ она прекрасна, бѣла,
Бросайте за нее серебро.
(Mozuļu More).

Сохранилось множество пѣсень, указывающихъ на покупку невѣсты у брата напр.:

Bi'rīt, tautas sudabréna
Смыте, сваты, (сперва) серебро

To jemīf d'estejtōju.
Потомъ ужъ берите, сажательницу
(розъ).

(Изъ пѣсни Варвары Кондовникъ).

69.

Tās dālam naudas dēwa
Отецъ далъ сыну денегъ,

Na daudz turu šejkas naudas
Obi pilni zōbaćenī;
Немного у меня мелкихъ денегъ
Оба сапожка полненькие —

Pi'rē dēleń laudoweń ...
Покупай, сынокъ, невѣсту ...

Ar kū pi'rku lobu zi'rgu
Ar kū jaunu laudoweń.
На нихъ я куплю доброго коня,
На нихъ молодую невѣсту.
(B. Springinē).

При этомъ собираючи выкупныхъ денегъ pogosta mesšona обыкновенно даютъ сперва мѣдныя деньги (medžaki); но дѣвшки бросаютъ эти деньги; тогда даютъ серебряныя и кладутъ ихъ на покрытую платкомъ тарелку. Каждаго, кто подалъ свою лепту, невѣстини brōli угощаютъ пивомъ и хлѣбомъ; а онъ, положивши подачу, выводить невѣсту изъ-за стола и танцуетъ съ нею вокругъ комнаты. Этимъ выкупомъ невѣста отпускается изъ среды дѣвицъ, и парни въ послѣдній разъ танцуютъ т. е. веселятся съ нею, какъ съ дѣвицею. Дѣвшки во все время поютъ пѣсни, сожалѣющія о переходѣ изъ дѣвичества въ замужество. Pogostâ mat paprikš medžakus, mäjtas swiž prūjam; tod dūd sydraba. Kas ymēta naudu, tam brōli dūd ols i maižes, a jis yzwad jaunu i apdoncoj ar jū ap ustubu. Puiši ar jaunywi beidzamū reiži pasaprīcājōs. M'eitas dzid, žalō jaunu dīnu.

Послѣ этого выкупа происходитъ новое pogosta mesšona, собираючи подарковъ съ мѣра въ пользу невѣсты—просить благословить ее на новую жизнь. Приглашателемъ на pogosta mesšona является теперь невѣстинъ сватъ; приглашеніе онъ сопровождаетъ внушительными ударами о стѣну кнутомъ, причемъ приговаривается: Prošam bogaslawejt jaunūs. Первыми приглашаются родители: prošam bogaslawejt tās ar mōti. Отецъ приносить хлѣба, мать водки. Невѣстинъ сватъ самъ кладетъ рубль, сваха рубаху. Затѣмъ приглашаются поименно невѣстини brōli, mōsas (raimārdžes), которые даютъ перчатки (cymdi), а тамъ уже посторонніе, но всѣ поименно: prošam Jezupi bogaslawejt jauneklūs; если не внимаютъ первому зову, приглашеніе повторяется по нѣскольку разъ, при усиленномъ битіи кнутомъ о стѣну. Кто не хочетъ подавать, бросаетъ ради шутки пуговицу. Въ Яшмуйжѣ при этомъ обрядѣ поютъ:

70.

Prošam, laufeńi,
Bogaslawejt:

Просимъ, добрые люди,
Благословить:

Na garam laikam,
Šam wīnam wokoram.
Не на долгое время,
На одинъ этотъ вечеръ.

(Зап. въ Яшмуйжѣ отъ В. Кондовникъ).

Во время pogosta mesšona насыщаются всячески надѣтьми, которые не дали надлежащей доли; дѣвшки поютъ, напримѣръ, такую насыщливую пѣсню (Яшмуйжа):

71.

Šej Borbuļa pogostâ
Pus dalderā uzmātā,
Вотъ Варвара положила
Полчервонца въ мірскую склад-

чину

Nau kauna laufeńi:
Dalderis kuldā.
Не стыдится людей:
Вѣдь червонецъ въ карманѣ.

(Записано отъ Варвары Кондовникъ).

Обычай мірской складчины pogosta mēšona, хотя еще и соблюдается, однако народъ ужъ его недолюбливаетъ, онъ находится его неприличнымъ taj nawa šmuķi; собираючи подачи съ мѣра кажется ему постыднымъ испрашиваніемъ милостыни kaj ubagī prosa dōwa'nu.

Въ концѣ описанныхъ церемоній всѣхъ гостей обходить еще кухарка, неся водку въ чумичкѣ; водкою она угощаетъ, а взамѣнъ того кладутъ ей въ чумичку деньги. Этимъ всѣ обряды этого дня и заканчиваются и остальную часть вечера проводятъ за ужиномъ и танцами. Pēčok ap wisīm gostīm apit kukarka, putras wōrejtōja, nas kāusu woj čarpuku ar brandīnu; brandīnu dūd dzert, a jai mat čarpukā naudu. Pēčok wysu wokoru ād i doncō.

Утромъ начинаются обряды, такъ называемые «Jelais brandīns большая водка», т. е. женихъ подчутигъ всѣхъ гостей своею водкою, а женихова сваха своими пирогами. Затѣмъ женихъ съ невѣстою опять обмѣниваются подарками: невѣста даритъ рубаху, женихъ башмаки, а жениховъ сватъ получаетъ отъ невѣсты еще пару перчатокъ. «Провозясь» (paworzojōs) нѣкоторое время, всѣ отправляются на завтракъ, устроенный невѣстинъ отцомъ. Завтракаютъ отдѣльно каждая партія, и въ то время, когда одна сидитъ за столомъ, другая поетъ про нее насыщливая пѣсни Swātdīnas reitā° dzēr Jelū brandīnu, jaunais nas brandīnu, a swōča peirōgus. Pēčok jaunais jaunywi dūd kōrpes, a jej jam kraklu; swōtam dūd cymdus. Paworzojōs pēč tas sauc brūkastīs. Panōksi ad, družnīki apdzid jūs.

72.

Meš gōdowam, mes dūmovam,
Kur byuś jeimti lemesnejci?
Мы гадали, мы думали,
Гдѣ бы вамъ взять разсоху?

Sim Jākaram plota pīre,
Nū tōs škel'sim lemesnejci.
У этого Якова широкий лобъ,
Изъ него мы будемъ колоть разсоху.

73.

Šej möšeńa šur braukdama
Pazipēm mozgōjōs —
Эта сестрица сюда приезжая
Умывалась остатками мыла —

Tajda malna padaguńa,
Kaj myusu sywānam.
Подъ носомъ у нея грязно,
Какъ у нашего поросенка.

74.

Atsašípis šis Jurejčis
Kaj Jōsmuižas oǵeŕejts —
Губастый этотъ Юрий (съ протяну-
тыми впередъ губами)
Какъ Яшмуйжский жеребецъ —

Oǵeŕejšam pídeŕeja,
Jurejšam napídar.
Жеребцу это идетъ (прилично),
А Юрію не идетъ.

75.

Pasaŵerīs tu Odum,
Kas yz tawas nōsēs sād.
Посмотри ты, Адамъ,
Что у тебя на носу сидитъ.

Waca weiže atsasāduś,
Yusas wīn škuryńō.
Старый лапоть усѣлся,
Усами шевелить.

76.

Es dūmovu, es gōdōju,
Kas aiz kolna wélejōs;
Я думалъ, я гадалъ,
Кто за горою моется;

Šis swōteńš wélejōs,
W'eļej sawu kuméleń.
Это сватушка моется,
Моетъ своего коня.

77.

Dūmōjam, gōdōjam,
Nawa cyukai midźeńeisa —
Думали мы, гадали,
Что у нашей свиньи пѣтъ лого-
вища —

Indričam ūeli moti,
Tur cyukai midźeńeijts.
У Генриха большие волоса,
Тамъ будетъ свинъ логовище.

(№ 72—77 записаны во дворѣ Яшмуйжъ со словъ
Варв. Кондовникъ).

78.

Kajdas aćs Pōwulam,
Tajdas aćs Teklēnai:
Oj jī obī gulējuši
Какие глаза у Павла,
Такие же у Феклы:
Не спали ли они оба

Wīnas cyukas midźeńi?
Wīnas cyukas midźeńi,
Maisō kōjas sabōzuši.
Въ одномъ свиньемъ логовищѣ?
Въ одномъ свиньемъ логовищѣ,
Ноги засунувъ въ мѣшокъ.

(Зап. въ Вышковск. вол., дер. Мозули).

79.

Kam tī tajda gŕízes golwa
Šād pī muna brōleń?
Что за такая вертиголовка
Сидитъ подлѣ моего братца?

Muns brōleńš, kaj kuńdzens,
Dzaltaním maſenim.
Мой братецъ, какъ баринъ,
Съ русыми волосами.

(Зап. въ Вышковск. вол., дер. Tūki отъ Moře Springinē).

Послѣ завтрака производятъ надъ молодою вѣнчаніе рутовы́мъ вѣнкомъ rūtuwaińags. Въ серединѣ избы разстилаютъ простыню (pologs — пологъ), на эту простыню ставятъ квашию, которую покрываютъ также простынею. На эту квашию садится невѣстина мать съ хлѣбцемъ на колѣнахъ. Къ ней подходитъ невѣста, сопровождаемая двумя bgoł-ами, бросается на колѣни, плачетъ и испрашиваетъ материнскаго благословенія; мать ее благословляетъ, передаетъ ей хлѣбецъ и сажаетъ ее на свое мѣсто. Къ невѣстѣ подходятъ ея mōsas, потомъ brōli, расчесываютъ ее, заплетаютъ косы и, наконецъ, brōli кладутъ ей на голову два рутовыхъ вѣнка, большой и малый. Большой rūtuwaińags въ прежнее время былъ краснаго цвѣта, бисеромъ вышитый и украшенный блестками ar spēidušim или sorkon rōžu, zaļu zeižu изъ красивыхъ розъ и зеленаго шелка, какъ выражаются народныя пѣсни, въ родѣ русского кокошника, это собственно тотъ źeilu vaińags, о которомъ такъ часто говорятъ пѣсни. Pēč brūkestš jaunyw ei yzlik rūtuwaińagu. Wydū ustubas paklōj pologu, yz pologa pastota yz muts maižes baļeňu i apkloj ar pologu. Yz baļeňas pasādyn jaunōs mōti ar maižes kukulī klāpī. Da ja ī dīwi brōli dwad jaunyw i; jaunyw stou cēlūs, raud i prosa jū bogaslowejt. Mōte bogaslowej, dūd jai maiži i sādyn yz baļeňas. Da jaunyw ej

danōk mōsas i brōli, suks i sapyn, a pēč brōli, yzlik jai dīu rūtu waiñagus, lelō i mozū. Lelais rūtu waiñags sēnōk bija sorkons, ar zēilēm i spēidułim. Нынче благодаря шляхетскому вліяню zēilu vaiñags въ Вышкахъ замѣняется вѣнкомъ изъ искусственныхъ бѣлыхъ и зеленыхъ цвѣтовъ; вуали, однако, пока еще не встрѣчается. Lelais vaiñags идетъ вокругъ всей головы, а на темя кладутъ другой mozais vaiñags малый вѣнокъ или rūtu waiñags сплетенный изъ рутъ; онъ въ діаметрѣ имѣеть всего нѣсколько дюймовъ. Если невѣста rōrškōdāta «порченая» rūtu waiñags отсутствуетъ. Кроме этихъ двухъ вѣниковъ невѣста голову убираетъ еще цвѣтами, такъ что wysa golwa zała вся голова зеленая. Въ продолженіе всей этой церемоніи вѣнчанія невѣста плачетъ, а подруги поютъ заунывныя пѣсни¹⁾. Потомъ невѣста опять водимая brōla-mi обходитъ всѣхъ гостей, начиная съ родителей и старѣйшихъ, кланяется всѣмъ и раздаетъ по кусочку хлѣба. И это сопровождается пѣснями. Въ Узинѣши этотъ послѣдній обрядъ варіируется; такъ, невѣста разбрасываетъ кусочки хлѣба по сторонамъ дороги, отправляясь въ костель. Первому, кто на пути kārti aizšaun (кладетъ жердь поперекъ дороги), она даетъ brūtes kukuls (невѣстинъ хлѣбецъ), отличающійся особенною величиною. Однако обряда вѣнчанія рутовыми вѣнкомъ нѣтъ уже ни въ Узинѣши, ни въ Кокнесе. Сейчасъ послѣ описанного обряда отправляются въ костель. Впереди всѣхъ, въ одной повозкѣ, невѣстини сватъ съ свахою, за ними невѣста съ wacōkais brōlis, подружки попарно съ шаферами, наконецъ женихъ съ своею дружбою. У церкви женихъ высаживаетъ невѣсту изъ повозки, а brōli вводятъ ее въ костель; при выходѣ молодые держатся за руки, а по прежнему обычаю за одну nōs-

¹⁾ Въ этихъ пѣсняхъ оплакивается прощаніе съ подругами юности, лишеніе дѣвичьей свободы, горькая замужняя жизнь и т. п. предметы. Такихъ пѣсень можно найти очень много въ любомъ сборникѣ. Вотъ двѣ очень распространенные.

Škiramīs, meš mōšeňas,
Gona mej'lī džejwojuš.
Разстанемтесь, сестрица,
Довольно мы пожили друзьями.

(Зап. отъ Варвары Кондовникъ въ Яши. «однако она урожд. Вышковка»).

S'ěst' mošeňa aiz gal'deňa,
L'ič gal'w'eňu yz gal'deňa—
Сядь, сестрица, за столъ,
Положи головушку на столъ—

(Зап. въ Вышк. вол., дер. Мозули отъ Mōre).

Poša laim'e myus yzšk'ejra,
Pi wōrt'eňu stōwādama.
Сама лайма насть разлучила,
Стоя у воротъ.

Jau tu waira našēd'ësi,
Tāwa, mo'ës naklaušejši.
Ужъ ты болѣе не будешь сидѣть,
Не будешь слушаться отца матери.

neica (платокъ). При самомъ обрядѣ вѣнчанія невѣста должна плакать (raud, аѣ на rī žemēs pākreit плачетъ, ажно на земь падая), если не плачетъ, не будетъ имѣть счастья (nabyuš labi, nabyuš lajmes). Кто изъ молодыхъ послѣ вѣнчанія первый наступить другому на ногу, тотъ будетъ въ хозяйствѣ господиномъ, — однако теперь это считается только суевѣремъ (tī ūktajdī zabobońi). На алтарѣ молодая должна оставить пару перчатокъ для дѣячка (örgańists). Послѣ вѣнчанія всѣ свадебники (kōženíki) отправляются въ квартиру ксендза kłebańeji, гдѣ они устраиваютъ изъ своихъ запасовъ dīniškis полдникъ, къ которому приглашается ксендзъ (bazneickungs) (sēnōk malna maiže, ta nanōća) и органистъ. Изъ костѣла отправляются уже въ домъ жениха ruišugols, и всѣ послѣдующіе обряды происходятъ ruišugolâ. На возвратномъ изъ костѣла пути впереди єдутъ жениховы сватъ съ свахою, затѣмъ молодые вмѣстѣ, за ними женихова дружба, а тамъ уже невѣстина дружба.

Между тѣмъ, какъ происходитъ вѣнчаніе и полдничанье въ клебаніи, изъ ūjtugola отправляются въ жениховъ дворъ приданое, такъ называемое, ryugawezšona. Дѣйствующія лица тутъ ryugwed's, кто везетъ skreiňu или ryuru, gūwugons и wuškugańe пастухи коровъ и овецъ. Часто эта церемонія производится въ присутствіи невѣсты и kōzeńik-овъ передъ вѣнчаніемъ (въ Кокнесѣ въ субботу), или тотчасъ послѣ онаго, и тогда происходитъ споръ между ryugwed's и невѣстиной матерью, которая садится на skreiňu и не выдастъ ея, пока не положать на всѣ 4 конца ящика по извѣстной суммѣ денегъ. Ryugwed's наряжается шутовски (pasataisa ё gmeigs), одѣваетъ вывороченную шубу и зимнюю шапку, въ рукахъ держитъ большой кнутъ (garu pōtagu, kaidas nas ubagi), и, споря съ невѣстиною матерью, имѣеть удобный случай выказать свое остроуміе въ шуткахъ. При ryugawezšona поются напр. такія пѣсни:

80.

Gūšeń, muna raibušeńa
Zidajōm kōjeńom —
Коровушка, моя пёструшка
Цвѣтистыми ножками —

Poša kōpi kařeńo,
Zidī byra lājeńo.
Сама подымалась на гору,
Цвѣты падали въ долину.

81.

Gūšeń, muna raibuleńa,
Ko maurawí wokorâ?
Коровушка, моя пеструшка,
Чего ты мычишь вечеромъ?

Зап. въ Яшмуйжѣ отъ Žurilíne «родомъ изъ Аглоны»).

Слѣдующая пѣсня, какъ мнѣ говорила рассказчица, поется— jaunaju dawadam da sātai когда молодую доводятъ къ женихову двору. Но она можетъ и сюда относится и часто поется при ruicrawežšona.

82.

Gūw ej sw i u ar akme i,
Po ai p ina d ew ejai —
Я камнемъ бросаю въ корову,
Подательницу молока —

K o jej k opa kal e n o ,
K o r  d ej os tau e n o ?
Чего она взошла на пригорокъ,
Чего показывалась сватамъ?

83.

Jyus tau e nas, raga e nas,
Kur jyus ma i red ej ot?
N i e s g o ju kr ig a d   ar ,
Вы сватушки (чужие люди), кол-
довки,
Гд  вы меня видали?
Ни я въ корчму ходила пить,

N i ti rg o r  d ej t s;
Br  lu wyd u kultu g o ju,
M  su wyd u dryw  e n o .
Ни на ярмарку показываться;
Я ходила въ средѣ братьевъ моло-
тить,
А въ средѣ сестеръ на поле.

Зап. въ Яшмуйжѣ отъ Варвары Кондовникъ).

Приѣхавши изъ костѣла во дворъ жениха, молодая должна положить по парѣ перчатокъ на лошадей свата и шаферовъ. Ее встрѣчаютъ у дверей избы жениховъ отецъ съ водкою, а мать съ ūeir gs, karawajs пирогомъ, караваемъ и огнемъ. Молодая беретъ ūeir gs и огонь и входитъ въ избу, оставляя у порога j  ste u кушакъ. Жениховой матери она даритъ пару перчатокъ; pyurawed  стоитъ около печки, говоритъ, что мерзнетъ — и ему

пара перчатокъ; у печки молодая должна еще оставить перчатки и рубаху, на печку надо положить деньги для pntras w  fejto a кухарки; жениховъ отецъ спѣшитъ въ комнату и, ставши за столъ въ почетномъ мѣстѣ, опять требуетъ перчатокъ; золовки тоже не отстаютъ отъ другихъ: въ общемъ невѣста должна приготовить болѣе 30 паръ перчатокъ.

84.

D  rawoj ma i, wadakla,
Da z  m  j y lynukraklu;
Подари мнѣ, невѣстушка,
Льняную рубаху до земли;

Kaj e s t  u d  rawo u
Sawu boltu br  le  n.
Какъ я тебѣ подарила
Своего бѣлага братца.

Въ случаѣ неподачи угрожаетъ:

85.

Kaj byu  lob  w  de k  na,
D  zejw sim w  n   w  t ;
Когда будетъ хорошая невѣстка,
Будемъ жить вмѣстѣ;

Kaj byu  sp  etna, kaj byu  b  rga,
Si  sam c  p   ruy  e t .
Когда будетъ бранливая, когда буд-
детъ ссорливая,
Устроимъ пѣчь въ сараѣ.

(В. Кондовникъ).

Тогда сажаютъ молодыхъ ѿа ek i, ѿа i за столъ на почетное мѣсто въ углу, въ которомъ находится распятіе; подлѣ нихъ, тоже на почетныхъ мѣстахъ, жениховы br  l i, подальше невѣстини br  l i i m  sas, и родственники, которые по важнѣе (  l ki r  d i); когда эти откушаютъ, садятся всѣ прочіе. Во время обѣда поются насыщливыя пѣсни apdzid  sona.

Послѣ обѣда производится pogosta mess ona, теперь въ пользу жениха (mat pogostu (или pogost ) jaunajam); первыми кладутъ свою лепту жениховы сватъ и сваха, потомъ br  l i и всѣ гости. Вечеръ въ нынѣшнее время заключается ужиномъ и танцами; прежде же происходило, такъ наз., g  l  ejbas уложеніе молодыхъ спать въ «свиринѣ», kl  ts (Яшм.) kl  ts (Вышк.), въ нетопленномъ помѣщеніи, хотя бы дѣло было и зимою (Кокнese тоже). Всѣ старое поколѣніе соблюдало еще этотъ обычай, и многіе старики жалуются на его исчезновеніе и вообще на отсутствіе

веселости на нынѣшихъ свадьбахъ (kōzas tań na tajdas waira, nawa tik lusfeigas, moz jau tajdu žartu, kai šeńošeń.). Молодыхъ провожали въ клѣть всѣ гости wysa družba съ музыкою, пѣснями и шумомъ ar spälašonu, dzidōšonu иú gamańi (Žuriłíne, въ Яшм. родомъ изъ Аглонъ).

Утромъ будятъ молодыхъ опять ar wysu družbu, съ музыкою, пѣснями, пьютъ водку и производятъ разные «жарты», шалости (dora wysaidus žartus) это, такъ наз., šeňona nū gułdejbu (Яшм.). Въ постели молодой оставляетъ деньги, а молодая рубаху dēl dīwa śwēłejbas ради Божьяго благословенія; въ ведро, въ которомъ jauńi умываются, они также бросаютъ деньги, а потомъ женихъ ногою опрокидываетъ ведро. Въ прежнее время молодые умывались при помощи družba. Jaunywa теперь съ пѣснями дѣвшекъ и музыкою провожается жениховою дружбою въ избу и должна опять показать свою щедрость въ подаркахъ:— музыкантамъ даются перчатки, жениховымъ бролямъ и свату тоже, свахѣ рубаха, всѣмъ домочадцамъ по какой-нибудь мелкой вещицѣ; ustubas slaućejtōjai dѣvkѣ, которая мететъ комнату jūſteńa на метлу ap slūšeńi; yudeńs nešejaí, что воду носить, пара перчатокъ на kōši, на короба рубаху, кухаркѣ рубаху; затѣмъ jaupō перемѣняетъ свекровины pologi, которымъ столь покрыть, и rūčníkѣ на свои простыни и полотенца. Чѣмъ щедрѣе покажется молодая, тѣмъ легче ей будетъ житься въ новомъ домѣ.

Молодая до послѣдней ночи считалась въ дѣвицахъ и носила, какъ эмблему дѣвичества, źeiliu waińags (бисерный вѣнокъ); она и изъ клѣти выходитъ съ вѣнкомъ на головѣ, и только теперь происходитъ обрядъ снятія вѣнка waińaga пїјемшона и надѣваніе бабьяго головного убора mičošona. Въ Лифляндіи и Узинѣши mičosana совершаются въ воскресенье передъ gułdejbas; а снятіе вѣнка пїјемшона—такъ же, какъ и uzlykšona надѣваніе вѣнка, въ прочей Латышіи, кажется, уже утратились. Однако и въ Вышкахъ пїјемшона исчезаетъ. Происходитъ этотъ обрядъ аналогично съ вѣнчаніемъ рутовыми вѣнкомъ. Жениховы brōli сажаютъ молодую на опрокинутую, поставленную на пологъ и покрытую пологомъ квашню, отшпиливаютъ вѣнокъ, а jauńyķis его снимаетъ. Относительно этого снятія вѣнка есть много народныхъ пѣсень и въ прочей Латышіи—снятіе вѣнка излюбленное выражение вмѣсто лишенія дѣвичества. Жениховы brōli опять причесываютъ молодую, mōsas ее заплетаютъ и, наконецъ, надѣваютъ чепецъ mičō женихова сваха mičotōja, въ Кокнестѣ,

такъ называемая, liłajā wedējīa большая водительница и mičotaja.

Сваха повязываетъ молодую платкомъ вокругъ всей головы по бабьemu, kaj bōbas opoliski, при чемъ платокъ завязывается сзади, а не какъ обыкновено спереди, или же для mičošona берется особый ſelais lynaućeńš — длинный въ видѣ полотенца, только по шире платокъ, которымъ и покрывается голова на особый манеръ (ītmeigī), а именно такъ, что одинъ конецъ платка образуетъ на головѣ высокую пирамиду, а другой обвивается около шеи. Lynaućeńš нынче ужъ выходитъ изъ моды. Въ продолженіе этой церемоніи молодая плачетъ и поетъ (слѣдующія пѣсни служатъ примѣромъ), сваха ободряетъ ее и даетъ наставленія, сестры и подруги помогаютъ пѣть.

86.

Nūjam munu wainadžeńu,
Nūjam munas wīglas dīnas —

Снимаютъ мой вѣночекъ,
Снимаютъ мои легкие (привольные)

N'ik bej munu wīglu dīnu,
Zam waińaga gułējuš.

Столько и было монхъ легкихъ дней,
Сколько подъ вѣнкомъ лежало.

дни —

Waińag, munu wainadžeńu,
Jyuŕes ſpolwu wiglumeń —
Вѣнокъ, мой вѣночекъ,
Лѣгостью въ морскія перья —

Ka apšēju lynaućeńu,
Lynn mōrku gryutumeń.
Какъ повязалась льнянымъ платкомъ,
Онъ тяжестью съ мочилъю льна.

(Moz. Moče).

Этимъ молодая уже совершенно вышла изъ ряда дѣвицъ и перешла въ среду бабъ, она прощается съ дѣвшками и привѣтствуется бабами. При завтракѣ, который теперь слѣдуетъ, пьютъ, такъ называемый, soldonais brandīns (сладкая водка). Всѣ дружки невѣстины и жениховы, попробовавъ водки, морщатся, говоря, что водка горькая,—а чтобы ее подсластить перепѣлюютъ другъ друга. Послѣ завтрака проводятъ нѣсколько времени за разными шалостями (dēlejōs) и играми, между которыми главное мѣсто занимаетъ, такъ называемое, šerļa kuršona. Kōzeńikѣтопятъ печь, чтобы готовить себѣ ужинъ, т. е. вмѣсто дровъ въ печь суютъ, что только попадется подъ руки: собакъ, гостей, кресла, кошекъ, свиней, платья.... Потомъ ёдуть въ ближ-

нюю корчму, гдѣ гуляютъ ūlawō до самаго вечера. Подружки катаются попарно съ шаферами и даютъ имъ за катанье по парѣ перчатокъ. Вечеромъ опять съѣзжаются ruišugolâ, и пожинавъ, жениховы дружки слагаютъ деньги ruišū družba mat škeiňu nauđu, которые идутъ въ пользу невѣстиной дружбы. Жениховъ отецъ ruiša tās несетъ хлѣбъ, мать водку, прочие, что у кого попадается, — деньги или разныя вещи. Собранныя деньги даютъ брату, какъ выкупъ за сестру; братъ недоволенъ, не хочетъ отдавать сестры и съ досады разбиваетъ тарелку, на которую кладутся деньги, а деньги разбрасываетъ. Сюда относятся пѣсни:

88.

Eš saspäru tautu goldu
D'ew'eńim gobońim —
Я раздробилъ столъ чужбинниковъ
На 9 частей —

Tautom̄ jir golda žäl,
Mań mōšeńas waira žäl.
Чужбинникамъ стола жаль,
Мнѣ сестрицы болѣе жаль.
(Вышки, Mozulíne).

Съ жениховой стороны поютъ на смѣшливую пѣснь:

89.

Brōlī mōsas pōrdawuši
Par kōpūstu ližeicēń —
Браты продали сестру
За ложечку щей —

Yzdzaruši, yzstrābuši,
Brauc yz sātu raudōdam.
Выпивши, выхлебавши,
Ѣдуть домой плача.

(Зап. въ Яшмуйжѣ отъ В. Кондовника).

Межу тѣмъ настала ночь, и къ 11 или 12 часамъ panokši начинаютъ прощаться съ невѣстою, соблюдая при этомъ старшинство родства. Ruišu družba ихъ провожаетъ на смѣшливыми пѣснями:

90.

Pa čeļu, pa čeļu, nagūda laudš!
Suńš jyusu pōrnāmā,
Čačis pawadeja.
Пошли вонъ, пошли вонъ, нечестивые люди!
Собака васъ встрѣчала,
Кошка провожала.

(Яшм. Варвара Кондовникъ).

При прощаніи невѣста должна горько плакать, иначе ей не быть счастливой въ супружествѣ.

Вотъ примѣръ прощальной пѣсни:

91.

Kū eś beju brōleńam
T'ik jauna saribusä —
Что я такая молодая
Могла сдѣлать злого братцу —

Raudajti mań pameřä
Tautu golda galēnâ.
Онъ меня оставилъ плачущую
За столомъ чужбинниковъ.

Во весь прощальный вечеръ ruišu družba должна смотрѣть, чтобы jaunywâ молодая не ушла, или чтобы ее не увѣли; если она куда-нибудь удаляется, жениховъ brōlis ее провожаетъ, держа за руку. При самомъ актѣ прощанія jaunywâ сидитъ между жениховыми бролями. А если случается, что все таки panokši украдутъ молодую, то вся дружба бросается въ догоню, но panokši выдаютъ молодую уже только по уплатѣ известной суммы (2—3 рубля), которая panokšами пропивается, но уже не у жениха, а въ домѣ невѣстиной отца (mäjtās tās). Такъ обѣ дружбы расходятся, а пиръ продолжается каждой партіею отдельно въ «своемъ концѣ» «sawō golâ» еще во вторникъ.

Справляя свадьбу на ладъ долгой свадьбы, garōs koazas въ субботу не бываетъ никакихъ обрядовъ. Въ воскресенье обѣ партіи єдуть изъ mäjtas gola въ костѣль [въ Лифляндіи каждая партія єдетъ изъ sawa gala изъ своего конца], и возвращаются опять въ mäitas gols, гдѣ пирують воскресенье и понедѣльникъ до полуночи. Вторникъ и среду проводятъ ruišu golâ во дворѣ жениха, исполняютъ всѣ обряды и расходятся въ четвергъ или еще позже. На этотъ ладъправляютъ свадьбы только зажиточные люди.

Въ субботу на свадебной недѣлѣ молодая ходитъ въ мужину баню, гдѣ ей приходится опять тратить много перчатокъ и кушаковъ. На порогъ бани, на полки, на печь кладутся перчатки, вѣники обвязываются кушаками... этимъ обезпечиваются благополучные роды.

Въ эту же субботу молодые єдуть гостить къ женинымъ родителямъ; тамъ же собираются еще ближайшіе родственники и сватъ съ свахою — это, такъ называемые, atkōzos.

Въ воскресенье же женины отецъ съ матерью въ свою очередь

отправляются во дворъ молодыхъ, посмотретьъ на ихъ житье бытъ. Этимъ свадьба окончательно сыграна. Въ другихъ мѣстахъ Латышіи atkāz-ами на оборотъ называется посѣщеніе невѣстиними родителями и ближайшими родственниками дома молодыхъ, гдѣ допиваются и доѣдаются оставшиеся запасы. Посѣщеніе родителей молодыми отлагается на другое время попозже.

Мало-по-малу исчезаютъ и эти остатки латышскихъ народныхъ свадебныхъ обрядовъ; ихъ мѣсто или занимается польско-шляхетскими церемоніями, или же остается пустымъ.

Вышковцы цивилизуются; молодое поколѣніе относится къ старымъ оригиналымъ обычаямъ критически, съ полупрезрѣніемъ называя ихъ dēlešonōs шалостями, глупостями; оно не видитъ надобности въ сохраненіи этихъ обрядовъ, значеніе которыхъ ему уже не понятно. На такое отношеніе къ старинѣ вліяютъ близость города (такъ у Вышковцевъ меньше оригиналыхъ обычаевъ, чѣмъ у Яшмуйжцевъ), ксендзы, воюющіе противъ разнаго поганства, какъ они называютъ эти старинные обряды, и шляхта (šlakšas) — проводница моды; а книги, прессы, развитой общественной жизни, которыя могли бы оказать противодѣйствіе такому направленію (какъ это замѣчается въ прочей Латышіи) — всего того тутъ и помину нѣтъ.

e. Свадьба въ деревнѣ «Свалб» Ясмуйжской волости Динабургскаго уѣзда¹⁾.

Канунъ свадьбы.

Въ субботу (примѣрно) молодой²⁾ пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты (jaipiwe) со всѣми своими дружками (ar sowim brōlim) съ сватомъ (ar swōti'm) и съ возницами приданаго (ar skreinis reicga wedējim). Часъ пріѣзда поздній, обыкновенно около девяти часовъ вечера, когда темнѣеть. Ихъ встрѣчаютъ оружейными выстрѣлами. Молодой отыскиваетъ матерь невѣсты и даетъ ей бутылку сладкой водки (lobais brandwīns). Невѣста въ это время совсѣ не обращаетъ на него вниманія. Женихъ со своею компа-

1) По сообщенію Антона Котона, уроженца этой мѣстности нынѣ проживающаго курьеромъ въ С.-Петербургѣ). Пѣсни, пріуроченные къ описанымъ обрядамъ, пропѣты были другимъ лицомъ, женщиной изъ той же деревни, проживавшей въ 1882 году также въ С.-Петербургѣ.

2) Jaunīcīs по лат.